

УДК 340.113

DOI 10.36511/2078-5356-2021-2-131-135

Треушников Илья Анатольевич
Ilya A. Treushnikov

доктор философских наук, начальник кафедры философии
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3);
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия (603022, Нижний
Новгород, пр. Гагарина, 17а)

doctor of sciences (philosophy), head of the department of philosophy
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950);

professor of the department of humanities and socio-economic disciplines
Volga Branch of the Russian State University of Justice (17a Gagarin av., Nizhny Novgorod, Russian
Federation, 603022)

E-mail: treushnikovilya@mail.ru

Грязнова Елена Владимировна
Elena V. Gryaznova

доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (603005, Нижний
Новгород, ул. Ульянова, 1)

doctor of sciences (philosophy), professor of the department of philosophy and theology
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (1 Ulyanov st., Nizhny Novgorod, Russian Fe-
deration, 603005)

E-mail: egik37@yandex.ru

Цифровое право: проблемы формирования категориального аппарата

Digital law: problems of forming a categorical apparatus

В условиях информационной цивилизации передовые страны мира переходят к формату цифровой экономики. Это приводит к появлению новых для общества и каждого человека цифровых феноменов. Цифровое право как инновационное явление для российского общества возникает в связи с необходимостью разработки новых механизмов регулирования правовых отношений в цифровой информационной среде. Однако дискуссионные вопросы по поводу определений ключевых категорий и понятий, составляющих категориальный аппарат цифрового права, приводят к рассогласованию в принимаемых законах, что впоследствии проявляется в проблемах регулирования цифровых социальных отношений в обществе. В статье рассмотрены основные противоречия и проблемы терминологии в цифровом праве на современном этапе развития.

Ключевые слова: цифровое право, цифровой субъект, цифровой объект, цифровые права.

In the conditions of information civilization, the advanced countries of the world are moving to the format of the digital economy. This leads to the emergence of new digital phenomena for society and every person. Digital law as an innovative phenomenon for Russian society arises in connection with the need to develop new mechanisms for regulating legal relations in the digital information environment. However, debatable questions about the definitions of key categories and concepts that make up the categorical apparatus of digital law lead to inconsistencies in the adopted laws, which subsequently manifests itself in the problems of regulating digital social relations in society. The article considers the main contradictions and problems of terminology in digital law at the present stage of development.

Keywords: digital law, digital subject, digital object, digital rights.

© Треушников И. А., Грязнова Е. В., 2021

Цифровизация современного социокультурного пространства приводит к появлению в обществе новых цифровых феноменов, таких как цифровое образование [1, с. 3; 2], цифровая культура [3, с. 10; 4], цифровая экономика [5; 6, с. 34], цифровая медицина [7; 8], цифровое государство [9; 10] и др.

Как известно, одним из основных форм регулирования социальных отношений в каждой из сфер общественной жизни является право. Для цифровых отношений, которые возникают в связи с цифровизацией видов деятельности, необходима и новая цифровая форма права. Феномен цифрового права появляется в мировой практике в результате цифровизации прежде всего экономической сферы общества. Цифровая экономика как экономика инновационного типа задает основные направления и тенденции развития всех сфер общественной жизни. Сфера управления, одним из основных элементов которой является право, выступает системой управления нового поколения, основанного на цифровых технологиях. Однако в этом случае возникает вопрос: меняется ли правовая система с переходом в цифровой формат или происходит только изменение терминологии?

Первая и наиболее распространенная точка зрения по данному вопросу, отраженная в научных публикациях, заключается в том, что авторы считают, что сущность цифрового права заключается в правовом обеспечении и регулировании правовых отношений, возникающих при использовании цифровых технологий [11; 12]. Данная позиция вполне понятна. Однако она имеет несколько ограниченное и узкое понимание цифрового права как социального феномена. Правовые отношения не ограничиваются только нормотворчеством, но имеют, как и любые социальные отношения, сложную структуру, включающую субъекты, объекты, средства, среду, результат, условия и т. д.

Вторая позиция заключается в применении исследователями при изучении цифрового права системного подхода. Этот подход богат своей методологией. Он представлен такими методами, как метод системного анализа, систематизация, классификация, типологизация и др. [13]. Но и в этом случае исследователи цифровизации правовой системы сталкиваются с целым спектром проблем. Наиболее часто обсуждаемой из них оказывается проблема разработки категориального аппарата. Дело в том, что применение системного подхода в изучении феномена цифрового права требует единой системы категорий и понятий. Однако сегодня наблю-

дается расхождение в определении основных понятий, раскрывающих сущность цифрового права между теорией и практикой в правовых отношениях. В частности, встречается различие таких терминов, как «цифровая экономика», «цифровое или электронное государство», «цифровое право», «цифровой субъект» и т. д. Между тем в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 года» прописана задача о разработке системы правового регулирования цифровой экономики, включающей использование систем искусственного интеллекта.

Выстраивание цифровых правовых отношений без четкого понимания сущности цифрового права приведет к нестабильности всей правовой системы. Особое внимание стоит уделить разработке содержания категории «цифровое право». Право как инструмент регулирования отношений в социуме охватывает отношения между каждым элементом правовой системы. Это значит, что оно должно управлять и регулировать отношения между субъектами права по поводу правовых объектов на основе правовых средств в особых правовых условиях с целью достижения результата, не выходящего за рамки правовых границ. Все это не должно потерять смысл при переходе к цифровым правовым отношениям.

Следовательно, цифровое право должно включать такое понятие, как «цифровой субъект». Относительно традиционного определения субъекта права можно сказать, что оно устоялось в научной и правовой литературе и в качестве него подразумевается социальный субъект, вступающий в правовые отношения (юридическое или физическое лицо). Однако в цифровом правовом пространстве появляется новый вид субъекта, который в некоторых публикациях приравнивается к статусу социального субъекта, а в ряде работ такое положение считается неправомерным. Так, например, О. Л. Солдаткина указывает на принципиальное отличие цифрового права от классического права присутствием в нем нового вида субъекта: «В частности, изменения затрагивают состав субъектов права, который расширяется из-за появления виртуальных субъектов разного вида (искусственный интеллект, виртуальное отражение реальной личности) [14, с. 123]. Аналогичный подход к определению статуса цифрового субъекта права можно найти и в других работах. Например, в одной из них вводится понятие «цифровая личность», обозначающая

статус систем искусственного интеллекта в правовых отношениях [12; 15, р. 3047].

Мы со своей стороны считаем, что механический перенос терминологии для обозначения сущности социального субъекта на иные формы субъективности является научно необоснованным действием. Если следовать такой логике, то в качестве субъектов права следует признавать животных. Поэтому, считая человека единственным представителем социального субъекта (индивидуального и коллективного), логично ввести для обозначения систем искусственного интеллекта понятие квазисубъект, то есть цифровой объект, способный исполнять роль и функции социального субъекта. Данная позиция поддерживается и в других работах, посвященных изучению понятия субъекта цифрового права [16]. В частности, акцент сделан на решении проблемы юридической ответственности искусственно-го интеллекта в роли субъекта права.

Что касается объекта цифрового права, то и здесь имеется ряд дискуссионных вопросов. Они возникают чаще всего тогда, когда речь идет о цифровых финансах как объекте права. Обращаясь к нормативным документам, читаем: «...имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество удостоверяются путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. К цифровым финансовым активам относятся криптовалюта, токен. Цифровые финансовые активы не являются законным средством платежа на территории Российской Федерации» [17]. Изучая законодательные акты и другие акты, касающиеся цифровых прав и отношений, исследователи высказывают различные мнения о значении понятия цифрового объекта. Так, например, одна позиция заключается в том, что «...весьма спорным выступает отнесение цифровой валюты к имуществу, которое создается с помощью криптографических средств» [18, с. 17].

В качестве аргументов авторы приводят тот факт, что электронный объект не может быть признанным в качестве физического объекта и предлагают определять данный вид собственности как интеллектуальную, говоря о правах на нее. Другая позиция заключается в том, что авторы соглашались с введенной терминологией, но предлагают ее конкретизировать: «...следует согласиться с предложенной в Законопроекте № 419059-7 дефиницией и законодательно закрепить понятие «цифровые активы». ...В этой связи статью 128 ГК РФ предлагается допол-

нить новым видом имущества в электронной форме — цифровыми активами (цифровыми деньгами и цифровыми правами)» [19, с. 204].

Тем не менее обе точки зрения сходятся в том, что речь должна идти о праве собственности. Действительно, право собственности — это ключевое понятие, которое определяется относительно человека, то есть социального субъекта. Информационный объект следует понимать как единство информации и ее носителя. Любой информационный продукт в цифровом обществе может приобрести статус товара. Другое дело, что информация способна менять носитель. Но от этого ее содержание не меняется, если речь идет о материальных носителях, а не об идеальных.

В этом случае появляется еще одно звено дискуссионной цепочки в цифровом праве. Предметом противоречий является именно информация как объект права. Изучая данный вопрос, Н. С. Александрова отмечает, что изначально спорным является само определение объекта права [20]. С одной стороны, объектами гражданского права считаются услуги, вещи и другие виды благ. С другой стороны, объектом права могут выступать только действия или вещи. Как можно видеть, информация как объект права не является элементом или видом благ.

В законодательных документах об информации и права обладания ею также имеется противоречие. Согласно Федеральному закону «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2006 года № 231-ФЗ информация не является объектом гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) [21]. Однако в другом законе (ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация уже считается объектом гражданского права, а также иных правоотношений [22].

Получается, что имеет место несогласованность гражданского кодекса в определении информационных объектов права, что различие в определении ключевых понятий и категорий традиционного и классического права в науке и юриспруденции приводит к рассогласованию в нормативных и правовых актах в законодательстве. Усугубляется эта проблема в связи с переходом к цифровой экономике, которая вызывает к жизни новые терминологические противоречия. Это выражается не только в спорах по поводу цифровых объектов и субъектов, но и по поводу смысла понятия цифровых прав, так как они также становятся объектом цифрового права [23; 24].

Дискуссии берут начало с неопределенности границ и видов цифровых прав. Данное определение в Гражданском кодексе РФ сформулировано широко и может интерпретироваться достаточно свободно. Но основной вопрос заключается в том, что необходимо уточнение смыслов тех дефиниций, которые используются при разработке законов. Цифровые права — это новый способ фиксации права собственности, требующий нового подхода в понимании и определении.

Заключение

Исследование проблем в формировании категориального аппарата в системе цифрового права показало, что в научной литературе отсутствует устойчивое понимание основных категорий, определяющих цифровое право как новый социальный феномен. Это приводит к сбою в правовом регулировании данного вида отношений, вызывая проблемы не только в самой правовой сфере, но и в сфере экономики, медицины, образования и т. д.

В целом речь идет о возникновении новой парадигмы правоотношений, которые существуют в цифровом формате. Поэтому необходимо проведение философско-правовых исследований, направленных на разработку категориального аппарата цифрового права.

Примечания

1. Малушко Е. Ю., Лизунков В. Г. Система электронного образования как инструмент повышения конкурентоспособности специалиста в условиях цифровой экономики // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 2 (31). DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-2-3.
2. Грязнова Е. В., Скопинцева-Седаш О. Ю. Дистанционная педагогика как научное направление в философии образования // Педагогика и просвещение. 2015. № 1. С. 59—66.
3. Афанасьев С. В. Обоснование актуальности разработки субстратно-атрибутивной модели информационной культуры в рамках философии культуры // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 3 (32). DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-3-10.
4. Грязнова Е. В. Информационная культура медицинских учреждений: проблемы и перспективы // Человек и культура. 2015. № 1. С. 92—111.
5. Bondarenko V. M. Digital economy: a vision from the future // Journal of Economic Science Research. 2020. Т. 3. № 1. С. 16—23.
6. Grabova O. N., Grabov A. V. Digital and intellectual potential of economics as a result of modern investment processes and limitations // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 4.

7. Antoniadis Ch., Asselbergs F. W., Vardas P. The year in cardiovascular medicine 2020: digital health and innovation // Russian Journal of Cardiology. 2021. Т. 26. № 3. С. 114—124.

8. Грязнова Е. В., Шкирнюк П. Г. здравоохранение в России и качество жизни населения // NB: Экономика, тренды и управление. 2014. № 4. С. 72—85.

9. Vilisov M., Pastarmadzhieva D. Digital policies: comparisons between eu, eeu and their member states // PolitBook. 2020. № 1. С. 6—37.

10. Грязнова Е. В. «Хрупкое» государство: критерии определения // Политика и общество. 2013. № 1 (97). С. 57—65.

11. Ломакин А. Цифровизация права // Трудовое право. 2017. № 9. С. 103—111.

12. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5—17.

13. Солдаткина О. Л. Цифровое право: методология исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 3. С. 147—150.

14. Солдаткина О. Л. Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113—123. DOI 10.31857/S013207690007824-8.

15. McGinnis J. O., Russel G. P. The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services // Fordham Law Review. 2013. No 82. P. 3041—3066.

16. Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24—48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48.

17. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (последняя редакция). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2021).

18. Васильев А., Ибрагимов Ж., Насыров Р., Васев И. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах // Юрислингвистика. 2019. № 11 (22). С. 15—18.

19. Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 199—204.

20. Александрова Н. С. Информация как родовое понятие некоторых объектов гражданских прав (на примере цифровых прав) // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 1. С. 64—68. DOI 10.15688/Ic.jvolsu.2020.1.8.

21. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ (ред. от 30.12.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2021).

22. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 02.12.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.05.2021).

23. Хван А. А. Цифровые права как новый объект гражданских прав // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2020. № 6-3 (45). С. 198—200. DOI 10.24411/2500-1000-2020-10781.

24. Lipchanskaya M. A. Digital rights of man and citizen: constitutional dimension // *Государственная служба*. 2020. Т. 22. № 4 (126). С. 37—41.

References

1. Malushko E. Yu., Lizunkov V. G. System of electronic education as a tool for improving the competitiveness of a specialist in the digital economy. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2020, vol. 8, no. 2 (31). DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-2-3. (In Russ.)

2. Gryaznova E. V., Skopintseva-Sedash O. Yu. Distance pedagogy as a scientific direction in the philosophy of education. *Pedagogy and education*, 2015, no. 1, pp. 59—66. (In Russ.)

3. Afanasyev S. V. Substantiation of the relevance of the development of a substratum-attribute model of information culture within the framework of the philosophy of culture. *Vestnik Mininskogo universiteta*, 2020, vol. 8, no. 3 (32). DOI 10.26795/2307-1281-2020-8-3-10. (In Russ.)

4. Gryaznova E. V. Information culture of medical institutions: problems and prospects. *Man and culture*, 2015, no. 1, pp. 92—111. (In Russ.)

5. Bondarenko V. M. Digital economy: a vision from the future. *Journal of Economic Science Research*, 2020, vol. 3, no. 1, pp. 16—23.

6. Grabova O. N., Grabov A. V. Digital and intellectual potential of economics as a result of modern investment processes and limitations. *Bulletin of Eurasian Science*, 2020, vol. 12, no. 4.

7. Antoniadis Ch., Asselbergs F. W., Vardas P. The year in cardiovascular medicine 2020: digital health and innovation. *Russian Journal of Cardiology*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 114—124.

8. Gryaznova E. V., P. G. Skirnick Health and quality of life. *NB: the Economy, trends and management*, 2014, no. 4, pp. 72—85. (In Russ.)

9. Vilisov M., Pastarmadzhieva D. Digital policies: comparisons between eu, eeu and their member-states. *PolitBook*, 2020, no. 1, pp. 6—37.

10. Gryaznova E. V. "Fragile" state: criteria for determining. *Politics and society*, 2013, no. 1 (97), pp. 57—65. (In Russ.)

11. Lomakin A. Digitalization of law. *Labor law*, 2017, no. 9, pp. 103—111. (In Russ.)

12. Talapina E. V. Law and digitalization: new challenges and prospects. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 2, pp. 5—17. (In Russ.)

13. Soldatkina O. L. Digital Law: research methodology. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*, 2019, no. 3, pp. 147—150. (In Russ.)

14. Soldatkina O. L. Digital right: characteristics of the digital environment and subjects. *State and law*, 2019, no. 12, pp. 113—123. DOI 10.31857/S013207690007824-8. (In Russ.)

15. McGinnis J. O., Russel G. P. The great disruption: How machine intelligence will transform the role of lawyers in the delivery of legal services. *Fordham Law Review*, 2013, no 82, pp. 3041—3066.

16. Gadzhiev G. A., Voynikanis E. A. Can a robot be a subject of law? (search for legal forms for regulating the digital economy). *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 4, pp. 24—48. DOI 10.17323/2072-8166.2018.4.24.48. (In Russ.)

17. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: federal law of 31.07.2020 no. 259-FZ (latest version). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.05.2021). (In Russ.)

18. Vasiliev A., Ibragimov Zh., Nasyrov R., Vasev I. The term "digital law" in the doctrine and legal texts. *Yurilinguistics*, 2019, no. 11 (22), pp. 15—18. (In Russ.)

19. Laptev V. A. Digital assets as objects of civil rights. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2018, no. 2 (42), pp. 199—204. (In Russ.)

20. Alexandrova N. S. Information as a generic concept of some objects of civil rights (on the example of digital rights). *The legal paradigm*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 64—68. DOI 10.15688/lc.jvolsu.2020.1.8. (In Russ.)

21. On the Entry into Force of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation: federal law no. 231-FZ of 18.12.2006 (as amended on 30.12.2015). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.05.2021). (In Russ.)

22. On Information, Information Technologies and Information Protection: federal law no. 149-FZ of 27.07.2006 (as amended on 02.12.2019). Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 14.05.2021). (In Russ.)

23. Khvan A. A. Digital rights as a new object of civil rights. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 6-3 (45), pp. 198—200. DOI 10.24411/2500-1000-2020-10781. (In Russ.)

24. Lipchanskaya M. A. Digital rights of man and citizen: constitutional dimension. *Public service*, 2020, vol. 22, no. 4 (126), pp. 37—41.